ДРУГЪ МОЛОДЕЖИ

Мартъ. **ІОНАѲАНЪ**: „И снова Іонаѳанъ клялся Давиду своею любовью къ нему; ибо любилъ его, какъ свою душу". I, Цар. 20: 17.

1914 г. [illegible]

№ 3

Мартъ 1914 г. ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ IV годъ изданія.

Веселись, юноша, въ юности твоей, и да вкушаетъ сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путямъ сердца твоего и по видѣнію очей твоихъ; только знай, что за все это БОГЪ ПРИВЕДЕТЪ ТЕБЯ НА СУДЪ.

(Екклез. 11: 9).

Другъ Молодежи

№ 3.

Помни Создателя твоего въ дни юности твоей, доколѣ не пришли тяжелые дни, и не наступили годы, о которыхъ ты будешь говорить: «НѢТЪ МНѢ УДОВОЛЬСТВІЯ ВЪ НИХЪ!».

(Екклез. 12: 1).

Какъ ЮНОШѢ содержать въ чистотѣ путь свой?
—Храненіемъ себя по слову Твоему. Псал. 118; 9.

Цѣль: для Христа. Направленіе: ко Христу.

Адресъ: г. Балашовъ, Саратовской г. редакція журнала „Другъ Молодежи"
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ пересылки—60 к., съ пересылкой во всѣ города Россіи—80 к., за границу—1 р.

Посвящаю Василію Гурьевичу Павлову.

Гонимый ты, братъ нашъ, за имя Христово
Ты много въ жизни страдалъ,
И людямъ, вѣщая Господнее слово,
Здоровье и юность отдалъ.

Ты тюрьмы, и ссылки за Божіе слово
Повсюду лишь въ жизни встрѣчалъ;
Но сердце любовью къ народу горѣло,
И ты ни на что не взиралъ.

Ты смѣло на нивѣ Господней трудился,
На лица людей не взиралъ.
Хоть многаго въ жизни своей ты лишился,
Но все же ты твердо стоялъ.

Не разъ по злобѣ тебя люди чернили,
Не разъ оклеветанъ ты былъ;
Напрасно не разъ по злобѣ осудили,
Но ты за грѣхи ихъ молилъ.

Безропотно шелъ ты Христовой тропою,
Хоть путь былъ тяжелъ и тернистъ;
Хоть люди всегда возставали со злобой,
Ты все же душою былъ чистъ.

Пусть Богъ укрѣпитъ твои слабыя силы
Работать на пользу людей,
Трудиться, какъ прежде, и чтобъ до могилы
Героемъ быть вѣры своей.

Лишь помня награду за трудъ и страданье,
Даруетъ намъ въ небѣ Отецъ;
Тамъ каждый получитъ за трудъ воздаянье
И всѣмъ дастъ Спаситель вѣнецъ.

Кузьма Ив. Дорофѣевъ.

Невѣрный шагъ молодого человѣка.

(Продолженіе).

Амрафель, царь Сеннаарскій или Вавилонскій, соединившись съ тремя другими царями, пошелъ войною противъ Содома и другихъ городовъ. Они произвели большое опустошеніе. Содомскіе и Гоморрскіе цари побѣжали отъ своихъ преслѣдователей, и ночью упали въ смоляныя ямы, которыхъ въ долинѣ Суддимъ было очень много, и погибли, а остальные убѣжали въ горы.

Побѣдители стали грабить все имущество Содома и Гоморры, и забирали въ плѣнъ народъ.

Въ эту роковую ночь, вдругъ, солдаты царя Вавилонскаго съ ужаснымъ крикомъ стали ломиться въ дверь дома Лота, гдѣ мирно спала вся его семья. Дверь была выломлена, и въ домъ ворвалось нѣсколько воиновъ.

Въ страхѣ и трепетѣ былъ Лотъ и его жена. Перепуганные дѣти ихъ метались, кричали и дрожали всѣмъ тѣломъ, прижимаясь къ отцу и матери.

Ужасающія мысли пробѣгали въ головѣ молодой „мамочки" за участь своихъ дѣвочекъ. Это страшно ее терзало и мучило.

Лоту ясно было, что Божіе наказаніе постигло ихъ за то, что они переселились въ Содомъ.

Онъ безжалостно бичевалъ себя за сдѣланный имъ промахъ. Совѣсть угрызало его за то, что онъ не могъ противостать требованіямъ легкомысленной своей жены.

Но долго разсуждать было некогда.

Время кончено и судъ начался. Лотъ долженъ

былъ сѣсть на скамью подсудимыхъ. Божій приговоръ, устами слугъ царя Вавилонскаго, былъ прочитанъ: „Немедленно собирайтесь въ плѣнъ, а мы забираемъ все ваше имущество.“

Оговариваться было безполезно, да и не возможно, потому что приказаніе было слишкомъ повелительное и рѣшительное.

Взявши на руки своихъ милыхъ дѣвочекъ, Лотъ и его жена, съ ужасомъ озираясь вокругъ, и положительно не зная своей судьбы, въ ночномъ мракѣ послѣдовали за воинами.

Лотова жена боялась заговорить со своимъ мужемъ. Она ожидала отъ него справедливыхъ упрековъ. Все время успокаивая своихъ плачущихъ дѣвочекъ, уставши, и тяжело вздыхая, она еле-еле передвигала ноги.

Наконецъ, Лотъ возбужденно, на еврейскомъ языкѣ, началъ говорить своей женѣ: „Это все ты надѣлала, все чрезъ тебя. Тебѣ ужъ больно хотѣлось жить въ Содомѣ. Богъ не попустилъ—наказалъ. Теперь, что мы будемъ дѣлать? Ахъ, какъ я несчастенъ! Милые дѣти! что будетъ съ вами? Все это ваша мать надѣлала! Какъ мнѣ не хотѣлось итти въ Содомъ, и всетаки она настояла на своемъ. Ну, что ты теперь думаешь, нашла счастья своимъ дочкамъ?“.

„А ты если зналъ, что опасно намъ переходить въ Содомъ“—совсѣмъ сердито говоритъ его жена, “то почему не говорилъ мнѣ объ этомъ? Зачѣмъ ты меня слушалъ? Развѣ ты не могъ-бы сказать: не пойдемъ, нельзя итти. Развѣ не мужъ долженъ управлять своей женой и не отецъ—своими дѣтьми? Ты зналъ, а не говорилъ. Ты виновенъ, а не я.“

Такъ спорили Лотъ со своею женою.

Виновнаго трудно было найти.

Да что этому удивляться. Ихъ дѣдушка Адамъ съ бабушкой Евой были такіе же: сваливали свою вину одинъ на другого.

А сколько теперь ихъ потомковъ, которымъ кажется, что въ ихъ несчастьяхъ и паденіяхъ виновны другіе?

Но Лоту и его женѣ отъ этого легче не стало.

Они попали въ плѣнъ, и туда же пошло все ихъ имущество.

И если-бы не Авраамъ, другъ Божій, то Лоту и его семьѣ погибать-бы въ Вавилонѣ.

Какимъ-то образомъ, одного изъ слугъ Лота солдаты не замѣтили; ему удалось скрыться. Спасшись отъ плѣна, слуга Лота вспомнилъ, что у его хозяина есть близкій родственникъ и знатный человѣкъ—Авраамъ. Онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, немедленно сообщить ему о постигшемъ несчастьи его племянника. Онъ побѣжалъ по направленію къ Веѳилю и, прибѣжавши къ дубравѣ Мамре, увидѣлъ тамъ благочестиваго еврея, старца Авраама, извѣстилъ его о случившемся и просилъ какъ-нибудь помочь Лоту.

Люди, знающіе истину, хотя бы только умомъ, если они и увлечены міромъ и его удовольствіями, если они и удаляются отъ дома Божія и пренебрегаютъ вѣрующими, но какъ скоро ихъ постигаютъ въ жизни испытанія, напримѣръ, ихъ болѣзнь или болѣзнь ихъ родственниковъ, они обращаются за помощью къ вѣрующимъ, и просятъ молиться за нихъ.

Тутъ они какъ-бы сожалѣютъ о всемъ прошломъ. Они теперь видятъ всю безполезность и даже вредъ всей своей суеты и увлеченія къ пріобрѣтенію всѣхъ благъ міра и его плотскихъ наслажденій. Они начинаютъ сожалѣть, что у нихъ нѣтъ близкаго общенія съ Богомъ и что они уклонились отъ церкви Божіей. Въ это время они почти уже рѣшаются вступить на путь Христа Они сознаютъ, что это наказаніе ихъ постигло за ихъ грѣхи. Они теперь совсѣмъ близки къ покаянію. Они просятъ: „Помолитесь Господу за меня, чтобы Онъ отклонилъ отъ меня удары Свои, я тогда буду Ему служить.“ Даже теперь онъ самъ немного согласенъ помолиться о своемъ несчастьи.

Но, въ большинствѣ случаевъ, эти люди поступаютъ по фараонски. Когда постигали его наказанія и бѣдствія за его грѣхи, когда онъ видѣлъ, что громъ, градъ и огонь разливался по землѣ, то призывалъ Моисея и Аарона, и говорилъ имъ: „На этотъ разъ я согрѣшилъ; Господь праведенъ, а я и народъ мой виновны. Помолитесь Господу; пусть перестанутъ громы Божіи и градъ; и отпущу васъ и не буду болѣе удерживать“. Но когда Фараонъ увидѣлъ, что, по молитвѣ Моисея и Аарона, „прекратились громъ, градъ и дождь, то онъ продолжалъ грѣшить, и отягчилъ сердце свое самъ и рабы его. И ожесточилось сердце фараона и онъ не отпустилъ народъ Израильскій.“ (Исх. 9: 24—35).

Да, какъ ужасно распространилось фараоновское покаяніе въ наши дни!

Такъ поступилъ и Лотъ.

Когда старикъ Авраамъ услышалъ, что сродникъ его взятъ въ плѣнъ, то взялъ рабовъ своихъ и погнался за непріятелемъ.

Ночью, когда враги спали, Авраамъ напалъ на нихъ и взялъ Лота, племянника своего, жену его и дѣтей и возвратилъ ему имущество.

О, какъ былъ счастливъ Лотъ и его жена удивительному и неожиданному своему спасенію! Какъ они благодарили своего дядю за оказанную помощь!

Казалось, теперь Лотъ, наученный горькимъ опытомъ жизни, не вздумаетъ болѣе заглянуть въ Содомъ. Да и женѣ его нужно было-бы образумиться.

Но что мы видимъ? Лотъ послѣ освобожденія его изъ плѣна, опять пошелъ въ Содомъ.

Куда же дѣвалось его сознаніе? Чѣмъ заглушено угрызеніе совѣсти? Кто изъ нихъ теперь болѣе виновенъ въ этомъ ужасномъ грѣхѣ?

Конечно, у его жены опять тѣ же цѣли и тѣ же планы—объ устройствѣ семейной жизни своихъ дочекъ. А тутъ она могла разсуждать, и такимъ образомъ:„Значитъ мы люди не совсѣмъ еще оставленные Богомъ. Онъ видитъ въ насъ что-то доброе, и спасъ насъ отъ нашихъ враговъ; слѣдо-

вательно, Онъ не былъ противъ нашего переселенія въ Содомъ."

А Лотъ теперь съ чисто-хозяйственнымъ-экономическимъ разсчетомъ рѣшаетъ такъ: „Пойти куда-либо въ другое мѣсто, хотя-бы въ въ тотъ-же Веѳиль, тамъ нужно строить домъ и имѣть напрасный расходъ; тогда-какъ въ Содомѣ у насъ уже свой домъ, который теперь, послѣ войны, трудно продать. Бросить-же его жалко, да и убыточно. Ужъ лучше", думалъ Лотъ, „мы пойдемъ опять въ Содомъ, а, со временемъ, какъ-нибудь продадимъ домъ, и, можетъ-быть, выйдемъ изъ Содома".

Вернувшись въ городъ, они нашли свой домъ никѣмъ не занятый. Сдѣлавъ кое-какой ремонтъ, они опять устроились въ немъ.

Жизнь пошла обычнымъ путемъ, что называется, по-городскому. Скоро они забыли свое недавнее горе, и со своими знакомыми стали опять веселиться.

Хотя, правда, Лотъ и мучился въ своей душѣ, видя и слыша дѣла беззаконныя, но заявить, запротестовать этому злу во всеуслышаніе онъ не имѣлъ силы воли. Съ женой своей онъ иногда заговаривалъ объ этомъ, но она старалась разсѣять его мысли и успокоить, говоря, что такъ всѣ живутъ и у нихъ дѣти и т. д. Ей казалось, что счастье къ нимъ вернулось. Она постаралась своихъ дѣвочекъ ввести въ Содомское общество, и была весьма рада, когда онѣ имѣли „хорошихъ кавалеровъ."

Надежды и мечты не обманули ее.

Въ одинъ прекрасный вечеръ пришли сватать Рахиль.

Жена Лотова была счастлива.

Съ великимъ удовольствіемъ они просватали свою дочку.

Свадьба, какъ можно думать, была по всѣмъ обычаямъ содомлянъ: тамъ пьянствовали, танцовали и устраивали различныя безобразія.

Жена и дочери Лота были весьма рады; только лишь самъ Лотъ былъ угрюмъ и не веселъ. Его мрачное лицо обращало на себя вниманіе гостей. Онъ самъ не учавствовалъ въ ихъ безчинствѣ, но и воспрепятствовать не могъ.

Спустя немного времени, они выдали другую дочь, а затѣмъ и третью.

Съ Содомомъ теперь они были связаны крѣпкими узами родства.

А мы знаемъ, какое несчастіе было для царя Іудейскаго Іосафата породниться съ нечестивымъ Ахавомъ. Если бы не милость Божія, онъ погибъ бы навсегда.

Ахавъ сдѣлалъ для Іосафата **большое угощеніе**, и за столомъ склонялъ его итти съ нимъ на войну. Іосафатъ, какъ родственникъ и будучи за его-же столомъ, не могъ отказать его просьбѣ. А потомъ Господь сказалъ Іосафату: „Слѣдовало-ли тебѣ помогать нечестивому?. За это на тебя гнѣвъ отъ лица Господа." (2, Цар. 18: 1—34. 19: 1—2).

Въ городѣ Лота всѣ знали, какъ хорошаго человѣка. Нѣкоторые даже уважали его.

Но, такъ-какъ они замѣчали, что онъ имѣетъ какую-то другую религію, не похожую на ихъ и по своей жизни онъ стоялъ гораздо выше ихъ, то они, чтобы заглушить въ немъ искру вѣры въ живого Бога и сдѣлать его болѣе похожимъ ни себя, почтили его выборами въ почетные горожане (вродѣ члена городской управы), которые, по обычаямъ востока, выходили къ воротамъ города, судили о всѣхъ дѣлахъ города и разбирали всѣ приносимыя жалобы горожанъ. Однимъ словомъ, ему дали содомскій чинъ. А онъ, поощренный въ самолюбіи, не могъ отказаться отъ такой чести.

Сатана и теперь со многими устраиваетъ такую-же исторію. Когда онъ замѣчаетъ, что человѣкъ задумывается о спасеніи своей души, начинаетъ стремиться къ истинѣ или почти рѣшаетъ покинуть мірскую жизнь, то всѣми своими лукавыми силами старается его разсѣять и задержать въ мірѣ, т. е. въ грѣховной жизни. Для сего онъ предлагаетъ ему особенно выгодное предпріятіе, избираетъ его на какую-либо почетную должность, сулитъ ему чины и ордена. И такъ-какъ каждый человѣкъ имѣетъ въ себѣ наклонность къ сребролюбію, властолюбію и тщеславію, то, въ большинствѣ случаевъ, сатанѣ тутъ и удается задержать человѣка въ своей власти. Такъ онъ поступилъ съ Валаамомъ, Іудой, Демасомъ, Каіафой и другими; такъ онъ поступаетъ и со всѣми ихъ потомками.

А содомляне продолжали вести развратную и безбожную жизнь. Они спускались все ниже и ниже по крутой наклонности своихъ похотей и страстей. Зло усиливалось и, подобно столбу дыма, поднималось къ небу. Переполнилась чаша беззаконія и сказалъ Господь: „Вопль Содомскій и Гоморрскій, великъ онъ, и грѣхъ ихъ тяжекъ онъ весьма."

И рѣшилъ Господь произвести судъ надъ нечестивыми городами.

Но Онъ захотѣлъ въ эту тайну посвятить Своего друга Авраама. Онъ сказалъ: „Утаю-ли Я отъ Авраама, что хочу дѣлать!"

И когда Онъ объявилъ Аврааму, что Онъ идетъ въ Содомъ истребить его, то Авраамъ вспомнилъ про своего племянника Лота, и сказалъ Богу: „Владыко, неужели ты погубишь праведнаго съ нечестивымъ? Можетъ-быть, въ этомъ городѣ есть пятьдесятъ праведниковъ? Неужели Ты погубишь и не пощадишь мѣста сего ради пятидесяти праведниковъ въ немъ? Не можетъ быть, чтобы Ты поступилъ такъ... Судья всей земли поступитъ-ли несправедливо?"

Аврааму казалось, что Лотъ, проживши нѣсколько лѣтъ въ Содомѣ, пріобрѣлъ тамъ для Господа самое малое 50 душъ.

Богъ сказалъ: „Если Я найду въ городѣ Содомѣ пятьдесятъ праведниковъ, то Я ради нихъ пощажу все мѣсто сіе."

Авраамъ думаетъ: „Неужели Лотъ былъ такъ равнодушенъ къ свидѣтельству о живомъ Богѣ, что не пріобрѣлъ 50 человѣкъ". „А если тамъ будетъ только сорокъ пять", говоритъ Авраамъ, „или сорокъ, или тридцать, или двадцать или, наконецъ,

десять?“ „И ради нихъ“, говоритъ Богъ, „Я пощажу.“

Дальше Авраамъ не сталъ обременять Бога вопросами, и не хотѣлось думать, что въ Содомѣ меньше десяти праведниковъ, ибо одна семья Лота была около десяти человѣкъ.

Но какъ глубоко ошибся Авраамъ за своего племянника!

Онъ не только никого не обратилъ къ Богу и не спасъ, но даже большая часть его собственной семьи погибла.

О, сколько теперь такихъ вѣрующихъ, которые по нѣсколько лѣтъ живутъ въ городахъ и селахъ и ни одной души чрезъ нихъ не обратилось ко Христу. Они никому не сказали о спасеніи во Христѣ. А своими поступками преградили для грѣшниковъ путь къ спасенію; и вмѣсто истиннаго христіанскаго свѣта, они коптятъ своею, не вполнѣ христіанскою, жизнью.

Далѣе мы увидимъ болѣе подробно, какъ Лотъ жилъ въ Содомѣ и какія его отношенія были къ содомлянамъ, и ихъ отношенія къ нему, и какъ Господь вывелъ его изъ Содома.

(Прод. будетъ). *В. Степановъ.*

Хорошій девизъ.

Интересная противоположность.

(См. № 11 за 1913 г).

И отошелъ отъ нихъ, и заплакалъ И возвратился къ нимъ, и говорилъ съ ними, и, взявъ изъ нихъ Симеона, связалъ его передъ глазами ихъ. (1 Моис. 42, 24).

Приходилось ли вамъ когда-либо замѣчать удивительное противорѣчіе въ словахъ этого 24 стиха? Противорѣчіе это проявляется между дѣйствіями рукъ Іосифа и состояніемъ его сердца. Въ то время, когда его сердце бьется сильною любовью къ братьямъ своимъ, такъ что онъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы не плакать, увидѣвъ ихъ лица, его руки поступаютъ съ ними жестоко—они берутъ изъ среды ихъ Симеона и безсердечно вяжутъ его передъ глазами прочихъ братьевъ.

Какой жестокій, какой безсердечный, думали сыновья Іакова, когда смотрѣли на Іосифа, который, неузнаваемый ими, обвинялъ ихъ несправедливо въ шпіонствѣ, кричалъ на нихъ и, въ заключеніе, приказалъ бросить ихъ въ темницу, гдѣ они, видя себя въ самомъ безвыходномъ положеніи, плакали о своей участи. Послѣ трехдневнаго, пребыванія въ темницѣ, они снова должны были предстать передъ грознымъ правителемъ, но не для того, чтобы быть отпущенными съ миромъ на родину, но чтобы увидѣть еще одно несправедливое обращеніе съ ними, а именно: одного изъ нихъ, Симеона, онъ приказалъ связать и оставить его заложникомъ у себя до того времени, пока они не приведутъ къ нему своего меньшаго брата, Веніамина.

Это было то, что они видѣли и слышали. Они слышали грозныя слова, они видѣли жестокое, грубое, насильственное обращеніе съ ними.

Но еще что-то другое они не видѣли. Не видѣли они тѣхъ слезъ, которыя втайнѣ лились изъ глазъ Іосифа. И если бы случилось имъ увидѣть эти слезы, то, конечно, они бы очень удивились тому и подумали бы: „Что за причина, что этотъ гордый и жестокій господинъ плачетъ?“ Это было бы для нихъ загадкой, которую бы они не могли разгадать, потому что еще не насталъ часъ, чтобы Іосифъ могъ открыться имъ.

Итакъ, не правда ли, какое противорѣчіе? Руки Іосифа причиняли братьямъ его невыносимую боль, наносили тяжкія раны имъ, но сердце его въ то же время разрывалось на части, при видѣ страдающихъ братьевъ. Сердце Іосифа было переполнено любовью къ нимъ, и потому жаждало сказать этимъ братьямъ: „ВСЕ ПРОЩЕНО, ВСЕ ЗАБЫТО!“ Но для того, чтобы не обнаружить пока состоянія своего сердца, его руки должны еще короткое время быть жестокими.

Дорогой братъ и сестра! Развѣ не приходилось тебѣ въ твоей жизни когда-либо испытывать то же самое?

Думаю, что да! Положимъ у тебя былъ человѣкъ близкій, котораго ты любилъ и къ которому ты былъ, какъ къ другу, привязанъ. Но вотъ, вдругъ, неожиданно для тебя, Господь послалъ ему тяжкую болѣзнь. Ты смотрѣлъ на это съ огорченіемъ и думалъ: „Почему Господь такъ дѣлаетъ? За что такое испытаніе?“ И для тебя поведеніе Божіе было непонятнымъ. Или же Господь поступилъ съ тобою еще немилосерднѣй. Онъ взялъ у тебя твоего дорогого ребенка къ Себѣ. Этотъ ребенокъ былъ для тебя радостью, цѣлымъ богатствомъ. Но вотъ, твой домъ сталъ пустъ, ребенокъ умеръ, твое сердце разбито и ты сталъ снова безутѣшный надъ могилкой, и спрашивалъ себя: „Почему это такъ?“

Или же тебѣ пришлось много пострадать отъ людей: тебя преслѣдовали за твои убѣжденія, о тебѣ говорили много нехорошаго, обвиняли несправедливо—а ты былъ во всемъ неповиненъ. Не приходилось ли тебѣ въ такія трудныя минуты задумываться и спрашивать себя: „Какъ это Господь допускаетъ людей совершать надо мною такую несправедливость? Онъ долженъ бы за меня заступиться и защитить меня“.

Дорогой братъ и сестра! Не забудь то, что ты видѣлъ или видишь въ настоящее время—то были дѣла рукъ твоего небеснаго Іосифа. Онѣ, правда, приносили тебѣ боль, огорченіе, обижали тебя; но если бы ты могъ въ то же время посмотрѣть въ сердце этого Іосифа, то ты бы, несомнѣнно, увидѣлъ слезы на его глазахъ. Ты увидѣлъ бы, какъ Онъ Самъ страдаетъ вмѣстѣ съ тобою, какъ Ему тяжело, что Онъ долженъ съ тобою такъ поступать. И если Онъ отнимаетъ у тебя какое-нибудь земное счастье, то лишь для того, чтобы твой взоръ направить на счастье

небесное, которое никогда не проходитъ. И если Онъ хотѣлъ когда-нибудь твое сердце сдѣлать пустыней, то лишь только для того, чтобы пробудить желаніе въ тебѣ, перенять въ это опустѣвшее сердце драгоцѣнный миръ и радость Духа Святаго.

Онъ хочетъ, чтобы ты созналъ, какъ братья Іосифа, вину твою, которая была на твоемъ сердцѣ противъ Него. Ты долженъ сознать также, какъ часто ты поступалъ нехорошо противъ Іисуса; какъ много ты виновенъ передъ Нимъ; что ты, живя на этой землѣ, часто не думалъ о Немъ, какъ бы не нуждаясь въ Немъ. О Его волѣ ты не спрашивалъ, Его заповѣдей ты не хранилъ. Часто ты отрекался отъ Него, какъ Петръ, а быть-можетъ былъ и предателемъ, какъ Іуда. И поэтому, чтобы привести тебя къ сознанію вины твоей, Онъ долженъ былъ класть на тебя Свою карающую и испытующую руку.

Итакъ, дорогой братъ и дорогая сестра! Если жизнь приноситъ тебѣ когда-либо, какія-нибудь трудности, если иногда тебѣ приходится идти долиной страданій—никогда не забывай одного, что между рукою Господней, которая ведетъ тебя и сердцемъ Божіимъ, которое тебя безконечно любитъ, нѣтъ никогда никакихъ противорѣчій. Если Господь иногда и посылаетъ тебѣ страданіе, то не смотри только на руки Всевышняго, а подними выше твой взоръ! Посмотри въ Его сердце и на Его очи и тамъ ты увидишь, какъ безконечно Онъ любитъ тебя, и ты вмѣстѣ съ Іовомъ воскликнешь „Господь далъ, Господь и взялъ, да будетъ имя Господне благословенно!".

АЛЛИЛУЯ!

Съ любовью предвидитъ премудрая воля,
Въ чемъ благо для сердца, что вредъ принесетъ,
И каждому послана Господомъ доля,
Но вѣрныхъ Своихъ Онъ къ блаженству ведетъ.
Надѣйся! Онъ видитъ душой сокрушенной
Всю скорбь и страданье въ жестокой борьбѣ;
Но вѣрь, и увидишь тогда, несомнѣнно,
Что все Онъ устроитъ ко благу тебѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ). (Р. Д. Х.).

Два разсказа.

ПОГИБЪ ЧЕЛОВѢКЪ.

...Не смотри на вино, какъ оно краснѣетъ, какъ оно искрится въ чашѣ, какъ оно ухаживается ровно. Впослѣдствіи, какъ змѣй, оно укуситъ, и ужалитъ, какъ аспидъ. (Притчи 23: 31—32).

I.

Счастливо жилъ слесарь Иванъ Григорьевичъ. Такъ счастливо, что знакомые, говоря про него, постоянно добавляли: „какъ сыръ въ маслѣ катается". Дѣйствительно, онъ былъ счастливъ. Во-первыхъ, Богъ далъ ему хорошую жену, тихую, скромную, работящую, съ которой и жилъ онъ душа-въ-душу. Безъ ссоръ, безъ дракъ, которыя бываютъ почти въ каждой семьѣ; и никто не могъ сказать плохого слова про ихъ жизнь.

Во-вторыхъ, Богъ благословилъ Ивана Григорьевича двумя дѣтьми: мальчикомъ Сережей и дѣвочкой Груней. Это были славныя милыя дѣтишки, здоровыя и умныя. Сережѣ было одиннадцать лѣтъ и онъ уже два года, какъ ходилъ въ школу; Груня же была на годъ моложе своего брата.

Въ-третьихъ, почему Иванъ Григорьевичъ жилъ хорошо, было то, что онъ имѣлъ недурное мѣсто. Онъ получалъ приличное жалованье, котораго ему вполнѣ хватало, чтобы жить безбѣдно и не нуждаться. На заводѣ онъ былъ вродѣ старшаго и замѣнялъ мастера, когда работали ночную смѣну.

А четвертая и пожалуй самая главная причина его счастья была та, что онъ совершенно не употреблялъ спиртныхъ напитковъ, даже пива не пилъ онъ.

И за это всѣ его любили. Любила жена, любили дѣти, любили и знакомые. На заводѣ его уважали. Съ нимъ совѣтывались, несмотря на то, что онъ былъ молодъ (ему было всего тридцать два года); къ нему обращались за поручательствомъ, когда въ этомъ встрѣчалась необходимость, и ему довѣряли иногда даже большія деньги, т. к. всѣ знали, что Иванъ Григорьевичъ—человѣкъ непьющій, а потому и честный.

Довѣріе людей и уваженіе, однако, нисколько не портили Ивана Григорьевича. Какъ и прежде, онъ оставался человѣкомъ скромнымъ.

Жилъ онъ тихой жизнью: по вечерамъ читалъ книги; а каждую субботу и воскресенье ходилъ въ церковь, гдѣ внимательно прослушивалъ всю службу.

Это была счастливая тихая жизнь; и не нужно удивляться, что знакомые завидовали ему. Они имѣли право завидовать.

II.

Была суббота.

Кончали работать. Прогудѣлъ гудокъ, и рабочіе стала расходиться кучками въ разныя стороны отъ воротъ завода. По случаю субботняго дня, рабочіе шли съ получками. Получилъ и Иванъ Григорьевичъ свою двухнедѣльную получку. Получилъ не какъ прежде—двадцать восемь рублей, а на шесть рублей больше. Это была прибавка.

Слесаря, товарищи по работѣ, окружили его и стали поздравлять.

— Спасибо, спасибо!—раскланивался Иванъ Григорьевичъ.

— Чего спасибо—раздался чей-то веселый голосъ. Литки съ тебя, Иванъ Григорьевичъ, причитаются.

— Нѣтъ, отъ этого я отказываюсь!—запротестовалъ Иванъ Григорьевичъ.

— Нельзя... Обычай такой... Жадина!—понеслись крики.

— Да мнѣ не жалко, но я не пью...

— Значитъ и есть жадина,—засмѣялись кругомъ.

— Самъ не пьешь, значитъ и другихъ угостить нельзя?

— Правильно!—поддержалъ старикъ слесарь.

—Не пьешь если—не пей, а мы выпьемъ. Выставляй-ка, Иванъ Григорьевичъ!.. Не скупись!..

— Да я и не скуплюсь... Я эти деньги женѣ умершаго Васильева отцамъ, если хотите... Мнѣ не жалко, но не хочу грѣха брать на душу... Зачѣмъ же я васъ спаивать буду... Вѣрно?..

Но слесаря не согласились. Пришлось Ивану Григорьевичу итти въ трактиръ. Товарищи пили водку, пиво, коньякъ и требовали, чтобы и Иванъ Григорьевичъ пилъ за компанію.

Долго онъ отказывался. Но, въ концѣ-концовъ, его чуть не силой заставали выпить сначала бокалъ пива, а послѣ и рюмку водки.

Что-то горячее обожгло ему ротъ, что-то ударило въ голову.

— Браво!—захлопали кругомъ въ ладоши.

Иванъ Григорьевичъ разсердился на товарищей и, заплативъ деньги, ушелъ не распростившись домой.

Когда жена его, открывая дверь, услыхала запахъ водки изъ его рта, то чуть не упала.

— Ты пилъ, Ваня?

— Пустяки!—махнулъ Иванъ Григорьевичъ рукой.—Бокалъ пива и двѣ рюмки водки... Чуть-ли не силой заставили.

Тяжелымъ предчувствіемъ наполнилось сердце жены Ивана Григорьевича.

— Смотри, Ваня!—сказала она ему съ грустью.

— Что смотри! Отстань отъ меня!—грубо крикнулъ онъ.

— Зачѣмъ кричишь? Видишь, выпилъ рюмку и обижать сталъ, а что послѣ будетъ, если пить начнешь.

Но Иванъ Григорьевичъ ничего не отвѣтилъ. Онъ лишь тяжело дышалъ...

III.

Послѣ этого дня Иванъ Григорьевичъ вышелъ по-прежнему на работу, по-прежнему продолжалъ читать хорошія книги и по-прежнему ходилъ въ церковь. Особеннаго, кажется, ничего не случилось и въ то же время произошло съ Иваномъ Григорьевичемъ большое несчастье. Раньше, такъ много лѣтъ, онъ считался непоколебимымъ въ своихъ трезвыхъ убѣжденіяхъ; раньше у всѣхъ было мнѣніе, что заставить Ивана Григорьевича выпить рюмку водки гораздо труднѣе, чѣмъ войти въ Царство небесное; теперь же никто такъ не думалъ.

— Иванъ Григорьевичъ выпьетъ, и даже самъ угоститъ,—говорили про него,—если попросить хорошенько.

Любителей же выпить на счетъ Ивана Григорьевича нашлось не мало. А были и такіе, которые даже угостить брались, если Иванъ Григорьевичъ согласится раздѣлить компанію. Всѣмъ почему-то хотѣлось, чтобы Иванъ Григорьевичъ свихнулся, не былъ бы святошей, сдѣлался бы ихъ собутыльникомъ. Почему они хотѣли этого—сказать было трудно.

И теперь, какъ только устраивались какіе-либо пирушки, шли обязательно къ Ивану Григорьевичу, и до тѣхъ поръ не отходили отъ него, пока онъ, потерявъ терпѣніе, давалъ свое согласіе и шелъ. А пирушки, нужно сказать, устраивались каждую получку, т. е. чрезъ каждыя двѣ недѣли.

И на этихъ пирушкахъ, конечно, пили не воду и не чай. Пиво, водка, коньякъ, подавались въ большомъ количествѣ. И, конечно, заставляли и упрашивали пить Ивана Григорьевича. Начинали всегда съ пива. Говорили, что дѣти пьютъ пиво, а доктора приписываютъ больнымъ, и будто этотъ напитокъ—самый полезнѣйшій на всемъ бѣломъ свѣтѣ.

Послѣ пива предлагали вина; и снова начинались уговоры, Иванъ Григорьевичъ отказывался и сердился.

— Вредно пить,—говорилъ онъ,—здоровье портится... Люди съ ума, говорятъ, сходятъ, если много пьютъ.

— Какъ!—Возражали ему—доктора велятъ пить, значитъ полезно: они люди ученые...

— Ну грѣшно... Право я не буду пить, оставьте меня,—умолялъ Иванъ Григорьевичъ.

— Брось... Грѣха тутъ нѣтъ. Христосъ пилъ вино, и даже воду въ вино превратилъ... Пей!..

И Иванъ Григорьевичъ пилъ. А когда товарищи начинали хмелѣть, онъ отыскивалъ шапку и скорѣе убѣгалъ незамѣтно домой.

А дома жена уже знала, почему задержался ея мужъ. Печальными грустными глазами встрѣчала она его, и укоризненно шептала:

— Опять, Ваня!..

И мужъ чувствовалъ укоры совѣсти.

Но онъ ничего не могъ подѣлать. Онъ разъ поддался уговорамъ товарищей, только одинъ разъ, и теперь удержаться ему было трудно.

IV.

Время шло... Иванъ Григорьевичъ, незамѣтно для себя, пристрастился къ вину и такъ же незамѣтно попалъ подъ вліяніе дурныхъ товарищей. Онъ сталъ ихъ постояннымъ собутыльникомъ, онъ сталъ завсегдатаемъ портерной. Теперь уже не требовалось столько словъ и ссылокъ на докторовъ, когда предъ Иваномъ Григорьевичемъ стоялъ бокалъ пива. Не надо было приводить въ доказательства дѣтей, которыя пьютъ этотъ напитокъ, и больныхъ, которымъ приписываютъ пиво, какъ лучшее лѣкарство.

Ничего этого не надо было. Иванъ Григорьевичъ безъ лишнихъ словъ выпивалъ бокалъ пива и такъ выпивалъ, что любой горькій пьяница могъ бы позавидовать той быстротѣ, съ которой это дѣйствіе сопровождалось.

Но не только пиво пилъ Иванъ Григорьевичъ, онъ больше любилъ простую водку и ее предпочиталъ другимъ напиткомъ.

Нерѣдко онъ бывалъ теперь пьянъ. И не совѣстился, когда, послѣ попойки, возвращался домой.

Правда, по-прежнему его встрѣчали грустные

глаза жены, но онъ старался не обращать на это вниманія.

— Ну и пьянъ,—говорилъ онъ сердито.—И пропилъ, ни мало—ни много, три съ полтиной, и еще пропью. А мнѣ перечить не смѣй!.. Потому, что я работаю, а не ты. И ревѣть не смѣй! А будешь, такъ уйду сейчасъ и все пропью!

Жена его молча глотала слезы и терпѣливо укладывала его спать.

— Ложись, Ваня, усни, голубчикъ,—уговаривала она его ласково.

— Ну, то-то...

И онъ засыпалъ пьянымъ мертвецкимъ сномъ. Громко храпѣлъ, пѣлъ пѣсни и наводилъ ужасъ на своихъ дѣтишекъ.

А когда просыпался на другой день, то уже не смотрѣлъ, какъ раньше, виновато и не просилъ прощенья у жены. Не смотрѣлъ заискивающе, какъ было раньше, а дерзко, смѣло... Требовалъ опохмѣлиться, и грубо кричалъ на жену...

А та, бѣдная, молча смотрѣла на него грустными глазами; и почему-то невольно вспоминалось ей прежнее житье. Счастливое житье! Когда ея Ваня былъ добрымъ, ласковымъ, когда отъ него не было слышно ни одного грубаго слова, когда свободное время уходило не на пьянство, а на чтеніе хорошихъ книгъ, на игру съ дѣтишками...

Слезы навертывались на глазахъ бѣдной женщины. Какой-то крѣпкій комокъ подкатывался къ ея горлу и хотѣлось плакать, рыдать, хотѣлось просить несчастнаго Ваню остановиться, вернуться къ прежней жизни...

Но угрюмо, мрачно сверкаютъ изъ-подъ черныхъ, густыхъ бровей глаза Вани; и у бѣдной женщины не хватаетъ силъ выполнить свое намѣреніе.

А Иванъ Григорьевичъ торопливо уходитъ на заводъ.

V.

Вскорѣ Иванъ Григорьевичъ совсѣмъ опустился. Пьянство вуя недѣлями, онъ не показывался ни дома, ни на заводѣ. А однажды такъ совсѣмъ пропалъ.

Жена сбила себѣ ноги, разыскивая его по всѣмъ трактирамъ и портернымъ. И, наконецъ, нашла его въ канавѣ, гдѣ онъ, вѣроятно, валялся не одинъ уже день.

Сколько трудовъ стоило ей доставить его домой. А когда доставили, то увидѣли, что Иванъ Григорьевичъ не дышитъ.

Позванный докторъ констатировалъ смерть.

— Онъ опился!—сказалъ врачъ и, отказавшись отъ предложеннаго рубля, вышелъ изъ дома.

Осиротѣла семья Ивана Григорьевича.

— Дѣточка, милочка, Грунечка,—рыдала жена Ивана Григорьевича, прижимая голову дочери къ своей изсохшей груди.

А Груня, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, утѣшала мать ласковыми словами, какія только приходили ей на умъ, цѣловала ее и гладила по темнымъ волосамъ.

— Мамочка, не плачь, проживемъ какъ-нибудь. Сережа поможетъ...

Но при имени сына мать заплакала еще громче.

Дѣйствительно, на сына была плохая надежда: онъ шелъ по стопамъ своего отца.

Видя примѣръ отца, онъ тоже привыкъ къ вину; а привычка перешла въ страсть. Вино свело его съ дурными товарищами. Вмѣсто работы онъ рѣшилъ добывать хлѣбъ легкимъ путемъ. Нерѣдко онъ попадался въ воровствѣ, но за несовершеннолѣтіемъ его оставляли пока на свободѣ. И долго сидѣли мать съ дочерью въ холодной квартирѣ, долго плакали и утѣшали другъ друга.

VI.

Поздняя осень...

По литейному мосту, кутаясь отъ холода, въ лѣтней одеждѣ идетъ какая-то женщина—въ большой черной шляпѣ, съ напудреннымъ лицомъ и накрашенными губами. Это—Груня, бѣдная дочь пьяницы, схоронившая сегодня свою мать, и проводившая двѣ недѣли назадъ брата на каторгу за убійство.

Это та самая Груня, которую Иванъ Григорьевичъ когда-то цѣловалъ и съ которой возился цѣлые вечера...

Тихо идетъ Груня... Подошла къ перилам... Остановилась... и взглянула внизъ. На мосту пусто, ни души не видно...

Нагнулась Груня, вздохнула тяжело и глубоко, заплакала и стала перегибаться за перила...

Холодно рукамъ, холодно всему тѣлу и страшно, ужасно страшно при видѣ темной бездны...

Собралась Груня съ силами, потянулась и кинулась внизъ... И полетѣла съ быстротой молніи внизъ. Страшный крикъ вырвался изъ ея больной груди, а затѣмъ плеснула вода и поглотила бѣдную Груню...

И проклятіе звучало въ послѣднемъ ея крикѣ—проклятіе тѣмъ, кто приготовляетъ водку и продаетъ ее... Проклятіе всѣмъ, кто покупаетъ и пьетъ ее... Проклятіе всему человѣчеству и отцу, благодаря которому она попала на широкую развратную улицу, благодаря которому мать ея умерла отъ голода, а братъ сталъ убійцей.

И вѣтеръ подхватилъ крикъ ея и понесъ далеко, далеко, чтобы люди услышали его и чтобы всякій удержался отъ страшнаго пьянства, точно предостерегая какое зло дѣлаетъ водка.

Такъ погибла семья слесаря Ивана Григорьевича. *Николай Ивановъ.*

(Второй разсказъ будетъ помѣщенъ въ слѣдующ. №)

Говорящіе часы.

Десять часовъ.

Катя М—зова. ДЕСЯТЬ братьевъ Іосифа возненавидѣли его, бросили его въ яму, продали его въ Египетъ, и впослѣдствіи ему же лгали, что они —„люди честные“.

До какого состоянія можетъ дойти человѣкъ и какъ нагло онъ можетъ лгать!

Грѣшные люди возненавидѣли Іисуса, продали Его, осудили Его, распяли Его, и мало этого, въ дополненіе мѣры своихъ грѣховъ, еще говорятъ о себѣ, что они—„люди честные" и что имъ не въ чемъ каяться.

ДЕСЯТЬ заповѣдей Богъ далъ чрезъ Моисея. Первыя четыре заповѣди относятся непосредственно къ Богу, а остальныя шесть заповѣдей имѣютъ отношеніе къ людямъ.

Христосъ заключилъ эти десять заповѣдей въ двухъ словахъ: **„Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею крѣпостью твоею", „И ближняго твоего, какъ самаго себя".**

Анатол. К—новъ. ДЕСЯТЬ часовъ дня было, когда Іоаннъ и Андрей, послѣдовавъ за Іисусомъ отъ Іордана, были обращены къ Господу и увѣровали во Христа, какъ въ своего Спасителя и Мессію.

Андрей первый побѣжалъ къ своему брату Симону и привелъ его къ Іисусу.

Былъ ли въ нашей жизни часъ, когда мы нашли нашего Спасителя и послѣдовали за Нимъ?

Если былъ, то привели-ли къ Нему мы нашихъ близкихъ знакомыхъ?

Душа П—ва. ДЕСЯТЬ драхмъ имѣла женщина для своего украшенія, по обычаю востока. Она получила это, по наслѣдству, отъ своей матери, и дорожила своимъ украшеніемъ. Вдругъ, одну изъ драхмъ она утеряла. Какъ ее это обезпокоило? Всѣ сосѣди скоро объ этомъ узнали и весьма сожалѣли.

Женщина усердно искала утерянную драхму. Со свѣчею въ рукахъ она мела комнату и осматривала всѣ уголки.

Къ великой ея радости она, вдругъ, видитъ, что драхма ея лежитъ въ мусорѣ вся загрязненная. Она бросилась къ ней, схватила ее и прижала къ своему сердцу.

Затѣмъ она побѣжала объявить своимъ подругамъ и сосѣдямъ, что она нашла свою потерянную драхму. Они тоже радовались съ нею.

Такъ бываетъ радость у ангеловъ на небесахъ объ одномъ кающемся грѣшникѣ.

Одиннадцать часовъ.

Настя Р—ва. Въ ОДИННАДЦАТЬ часовъ дня одинъ господинъ вышелъ на торжище нанимать рабочихъ въ свой виноградникъ. Нашедши одного стоящаго праздно, онъ пригласилъ его на работу.

Рабочій проработалъ у него лишь одинъ часъ (ибо на востокѣ день начинался въ первомъ часу, а заканчивался съ 12 часовъ), а плату получилъ такую же, какъ и тѣ, которые работали цѣлый день.

Ко Христу обращаются и вступаютъ въ церковь Божію и въ молодыхъ лѣтахъ и въ лѣтахъ преклонныхъ, но для всѣхъ приготовлена одна жизнь вѣчная.

Ко многимъ сегодня обращенъ призывъ Христа: „Что ты стоишь праздно? Иди въ виноградникъ мой и работай".

ОДИННАДЦАТИ апостоламъ Іисусъ явился по воскресеніи Своемъ изъ мертвыхъ, когда они были въ Іерусалимской комнатѣ съ запертыми дверями, изъ опасенія отъ іудеевъ, показалъ имъ раны Свои, утвердилъ ихъ въ вѣрѣ и далъ имъ **миръ Свой.**

Куда же дѣвался двѣнадцатый апостолъ?

Онъ оказался внукомъ Валаама, сыномъ Ахана (Іис. Нав. 7, 20, 21), любилъ деньги, воровалъ ихъ, за тридцать серебренниковъ продалъ своего Учителя, а потомъ повѣсился.

О, будемъ вѣрными учениками Іисуса Христа! Да будетъ Онъ намъ дороже всѣхъ прелестей міра и слитковъ золота!

И да явится намъ воскресшій Спаситель со своими пронзенными руками и ногами и прободеннымъ ребромъ!

Двѣнадцать часовъ.

Таня А—ва. ДВѢНАДЦАТЬ—есть полнота Божьяго числа.

ДВѢНАДЦАТЬ сыновъ было у Іакова, а потому ДВѢНАДЦАТЬ колѣнъ было во всемъ народѣ Израильскомъ.

ДВѢНАДЦАТЬ драгоцѣнныхъ камней было въ наперстникѣ Аарона, который онъ носилъ на своей груди. А насъ, дѣтей Божіихъ, Господь Іисусъ Христосъ носитъ въ Своемъ сердцѣ, какъ вѣчный Первосвященникъ, и никто никогда не посмѣетъ и не можетъ вырвать насъ изъ Его сердца.

ДВѢНАДЦАТЬ источниковъ были въ Египтѣ, около которыхъ народъ Израильскій расположился станомъ и отдыхалъ. Мы на жизненномъ своемъ пути, послѣ усталости, находимъ полноту жизненныхъ и радостныхъ источниковъ Божіей воды.

Всѣ наши источники—въ Немъ. Онъ самъ сказалъ:

„Кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей!".

Таня Д—кихъ. Въ ДВѢНАДЦАТЫЙ годъ своего царствованія молодой царь Іосія, юноша 20 лѣтъ, сталъ очищать Іудею и Іерусалимъ отъ высотъ и посвященныхъ деревъ, отъ рѣзныхъ и литыхъ кумировъ. Господь благословилъ его.

Когда мы начинали очищать свое сердце отъ всякой нечистоты?

Да поможетъ намъ въ этомъ Господь!

Нюра К—на. ДВѢНАДЦАТЬ лѣтъ было Іисусу Христу, когда Онъ съ родителями своими былъ въ Іерусалимѣ на праздникѣ Пасхи. Оставшись въ храмѣ съ книжниками и учителями, Онъ спрашивалъ ихъ о многомъ и много отвѣчалъ имъ. Они весьма дивились разуму и отвѣтамъ Его.

Далъ бы Богъ всѣмъ намъ быть подобными отроку Іисусу: находиться съ дѣтства въ изученіи слова Божія, и быть облегченными мудростью свыше.

Доня Г—нъ. ДВѢНАДЦАТЬ человѣкъ апостолъ Павелъ встрѣтилъ въ Ефесѣ и спросилъ ихъ: „Имѣете-ли вы Святаго Духа?" они всѣ сказали, что не имѣютъ, и даже не слыхали есть ли Духъ Святый.

А признавали себя вѣрующими.

Что мы отвѣтимъ, если намъ будетъ поставленъ этотъ-же вопросъ?

Если мы не имѣемъ Св. Духа, то Христосъ сказалъ такъ: „Отецъ небесный дастъ Духа Святаго, просящему у Него“.

Петя С—новъ. ДВѢНАДЦАТЬ апостолъ Христосъ избралъ и послалъ въ міръ проповѣдывать Евангеліе царствія Божія.

По этому числу положено ДВѢНАДЦАТЬ основаній городу Іерусалиму, видѣнному Іоанномъ въ Откровеніи; и по тому же числу ДВѢНАДЦАТЬ воротъ устроены въ немъ; и, наконецъ, въ силу же этого **древо жизни** ДВѢНАДЦАТЬ разъ въ годъ приноситъ плоды свои, сообразно тому, какъ и ДВѢНАДЦАТЬ мѣсяцевъ составляютъ годъ.

Блаженны тѣ, которые будутъ вкушать плоды отъ древа жизни! Аминь.

Заключеніе.

Саня С-тина. Стрѣлка на нашемъ цыферблатѣ обошла кругомъ.

Часы пробили, сдѣлавъ передъ нами 93 удивительныхъ удара.

Какіе удары проникли твое сердце, любезный нашъ слушатель?

Не пробудили ли „говорящіе часы“ твою уснувшую совѣсть?

Если ты, проснувшись отъ грѣховнаго сна, встанешь твоими ногами вѣры на скалу Христа, то цѣпи невѣдѣнія и непокорности спадутъ съ ногъ и рукъ твоихъ.

Часы прошли передъ нами и время пролетѣло мгновенно.

Вся наша жизнь быстро проходитъ и мы летимъ.

Обведи твоими глазами, нашъ любезный другъ, снова „говорящіе часы“ и да проникнетъ огненная струя Святого Духа въ твой умъ и сердце и да откроется тебѣ ГЛАВНАЯ СУТЬ этихъ величайшихъ въ мірѣ часовъ, а именно: ОДИНЪ Богъ и этотъ одинъ любящій Богъ заключилъ ВТОРЫЙ завѣтъ съ людьми чрезъ Сына Своего Іисуса, Который въ ТРИ часа дня былъ за тебя поднятъ на крестъ, и ЧЕТЫРЕ желѣзныхъ гвоздя раздирали Его Святое Тѣло, Его Святая кровь лилась изъ ПЯТИ зіяющихъ ранъ. Пока Онъ висѣлъ на крестѣ ШЕСТЬ часовъ, въ это время вырвалось изъ Его страдающей души СЕМЬ удивительныхъ и спасительныхъ словъ. При томъ, подобно, ВОСЬМИ душамъ Ноя, ты долженъ поспѣшить укрыться вѣрою въ ранахъ Іисуса, какъ въ спасительномъ ковчегѣ, помня, что для спасенія твоего въ ДЕВЯТЬ ЧАСОВЪ умеръ Іисусъ Христосъ, и чтобы въ твоей жизни поскорѣе наступилъ тотъ ДЕСЯТЫЙ часъ, въ который Андрей и Іоаннъ нашли Спасителя своего; и ты пошелъ бы въ Его виноградникъ—въ Его Святую церковь работать для Того, Который приглашаетъ и въ ОДИННАДЦАТЬ часовъ, и чтобы, наконецъ, съ великой радостью и дерзновеніемъ ты, какъ чадо Божіе, рожденное свыше, вошелъ въ тотъ вѣчный Божій городъ, гдѣ нѣтъ ни грѣха, ни болѣзни, ни слезъ, ни смерти, который имѣетъ ДВѢНАДЦАТЬ ВОРОТЪ, и чтобы тамъ вѣчно лицезрѣлъ Іисуса и вкушалъ плоды отъ дерева жизни.

Да прославится во всемъ Господь!

Трудъ молодежи при Песковской общинѣ.

Разсказъ объ обращеніи.

(Продолженіе. Смотри № 11 за 1913 г.)

Гриша уѣхалъ. Оставшіеся дома родные его стремятся все больше и больше усваивать начатую ими новую жизнь. Всѣ они ласковы и, какъ-будто, всегда желаютъ говорить о чемъ-то новомъ. Кто зналъ ихъ прежде, тотъ сразу могъ замѣтить въ нихъ перемѣну жизни. Только что-то нела: но было съ отцомъ Фроси: хотя онъ весело говорилъ со всѣми и читалъ Евангеліе, но никакъ не могъ разстаться съ прелестями міра сего.

Служа на заводѣ, ему часто приходилось бесѣдовать со своими друзьями о религіи. Во время этихъ бесѣдъ они такъ разстраивали его, что онъ выходилъ изъ приличія и даже гнѣвался. Притомъ, онъ никакъ не могъ оставить водку и куреніе табака, ибо слишкомъ привыкъ это дѣлать. Но вотъ всему пришелъ конецъ. Хотя и трудно было, но, съ Божьей помощью, пришлось ему все одолѣть. Онъ теперь—человѣкъ совершенно новый, и радуется, какъ съ своимъ семействомъ, такъ и со всѣми вѣрующими. Вспоминаетъ теперь о Гришѣ, въ особенности, мать, которая часто говоритъ всѣмъ вслухъ: „Благодареніе Господу, что Онъ намъ указалъ истинный путь, по которому мы можемъ дойти въ Царство Его; а нашъ Гриша, который еще не знаетъ этого пути, продолжаетъ итти путемъ широкимъ, ведущимъ къ гибели!“ Она просила Господа, чтобы Онъ наставилъ его на путь истинный.

Время приближалось къ Пасхѣ. Ожидаютъ и Гришу домой на праздникъ. Ожиданіе ихъ исполнились. Въ субботу предъ праздникомъ онъ пріѣхалъ. Отецъ Гриши тоже пришелъ домой съ работы; онъ тоже былъ отпущенъ на праздникъ.

Привѣтливо встрѣтились родные и, будучи очень рады этому свиданію, какъ-будто получили что-то новое. Всякій могъ замѣтить радость среди нихъ. Да и было чему радоваться. Всѣ думали, встрѣтитъ Гришу такимъ же, какъ онъ былъ и прошлый праздникъ; но онъ теперь былъ уже совершенно не тотъ. Онъ перемѣнился и теперь не только не возстаетъ противъ своего семейства за то, что они стремятся изслѣдовать истинный Евангельскій путь, а даже самъ, присоединяясь къ нимъ, объясняетъ имъ, какъ онъ позналъ новую жизнь въ городѣ. Много онъ разсказывалъ о томъ, какъ дѣло Божіе распространяется въ городѣ, какія тамъ происходятъ трогательныя собранія, и объяснялъ больше всего о вѣрующихъ товарищахъ, служившихъ съ нимъ на фабрикѣ; въ особенности же, онъ часто упоминалъ про одного юношу, который велъ себя, дѣйствительно, какъ истинный христіанинъ,—это былъ Павлуша Д.

Вставши утромъ, въ день Воскресенія Христова, Гриша уже не могъ оставаться дома, а отправился вмѣстѣ съ родителями на собраніе. Придя съ собранія домой, онъ бесѣдовалъ изъ слова Божія о смерти и воскресеніи Христа.

На второй день праздвика было приглашено собраніе въ село Миролюбовку, отстоящее въ семи верстахъ отъ насъ. Мы съ Гришей тоже отправились туда. Тамъ встрѣтили Гришу его товарищи, которые пришли на собраніе толпой, какъ-будто на зрѣлищѣ. Много насмѣшекъ и ругательствъ пришлось слышать отъ нихъ Гришѣ, но онъ не огорчался, а говорилъ про себя: „Вразуми ихъ, Господи, невѣрныхъ рабовъ".

Придя домой, мы торжественно провели и третій день праздника; а черезъ недѣлю уже были всѣ по своимъ мѣстамъ, и каждый занялся своимъ обычнымъ трудомъ. Не хотѣлось и Фроси сидѣть дома; она просила свою мать, чтобы ее отпустили на работу. Мать отпустила. Скучно было Фросѣ находиться среди невѣрующей молодежи; да еще насмѣшки градомъ сыпались на нее отъ неразумныхъ дѣвушекъ, работавшихъ съ ней. Возвращаясь съ работы, Фрося спѣшитъ разсказать матери, какъ ей трудно переносить насмѣшки. Мать старалась утѣшить ее, и говорила, что черезъ годъ непремѣнно отдастъ ее въ ученье къ портнихѣ.

Осенью этого же года въ ихъ семействѣ появилась болѣзнь; переболѣли почти всѣ дѣти и двое изъ нихъ отправились въ вѣчность. Фрося пережила зиму дома, а весною отдали ее въ ученье къ портнихѣ. Трудно было и тамъ для нея; другія ученицы, которыя были богаче, приносили подарки хозяйкѣ, и она имъ больше показывала, какъ работать; а Фросю посылала носить воду или рубить дрова. Какъ ни трудно было Фросѣ учиться, она прожила назначенный срокъ, и начала работать у себя дома. Теперь житье стало совсѣмъ иное. Фрося уже никому не подчинялась. Хотя она мало понимала, но работа подвигалась, и съ каждымъ днемъ улучшалась. Работаетъ дома Фрося, но всетаки ей какъ-будто чего то не хватаетъ. Ей хотѣлось бы имѣть вѣрующую подругу. Богъ знаетъ все и послалъ ей подругу Анюту, которая въ послѣдствіи сдѣлалась для нея самой любимой. Анюта это была дочь сельскаго писаря. Съ младенческихъ лѣтъ видна была въ ней кротость и послушаніе. Анюта ничуть не была похожа на своихъ родителей, она совсѣмъ отличалась отъ нихъ своей богобоязненной жизнью. Въ то время, когда она ходила въ школу, то очень твердо соблюдала свою обязанность—каждое воскресенье ходила въ церковь и считала за большой грѣхъ пробыть въ другомъ мѣстѣ въ утренніе часы воскреснаго дня. По окончаніи школы родители отдали Анюту къ Фросѣ учиться шыть и въ скоромъ времени можно было видѣть Фросю и Анюту въ собраніи. Съ этихъ поръ онѣ живутъ, какъ родныя сестры, стараясь сохранить единство духа въ союзѣ мира. Въ семействѣ Фросѣ живется гораздо лучше, чѣмъ Анютѣ, потому что она и до нынѣ терпитъ гоненія отъ родителей. Но она вполнѣ вѣритъ словамъ ап. Павла, который говоритъ: „Да и всѣ, желающіе жить благочестиво во Христѣ Іисусѣ, будутъ гонимы".

П. М. Воробьевъ.

Изъ писемъ.

На дняхъ въ одномъ селеніи Ставропольской губ. обратилась къ Господу учительница, бывшая атеистка, которая, въ письмѣ къ своей подругѣ, выливаетъ свои радостныя чувства въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

Дорогая Таня!

— Какъ ни странно, а я въ Казгулакѣ. Проѣхала чрезъ О-щи, но къ тебѣ не заѣхала. Ты это объяснишь стеченіемъ обстоятельствъ--знать, Богу не угодно. Ну, родная моя, близкая и далекая, Настѣ твоей хорошо. Такъ, Таня, хорошо мнѣ со Христомъ, что я порой невольно задаю себѣ вопросъ: „Да на землѣ ли я, не переселена ли я чудомъ въ другой какой-нибудь міръ? Гдѣ же тѣ муки, сомнѣнія, мучительное исканіе? Откуда такой абсолютный покой, сплошное ликованіе, радость? А гдѣ дѣвались тѣ люди, которые бичевали мою душу? Всѣ, что окружаютъ меня, воистину дѣти Божіи: ни злобы, ни зависти я не вижу; сѣдые бороды и улыбка, тонъ голоса дѣтскіе! Сплошныя, чистыя дѣти.! О, Таня, познай Христа, повѣрь Ему, позови Его въ свое сердце! Ты тогда поймешь меня и мое счастіе; а пока, знаю, моя душа и ея неземная жизнь непонятна тебѣ. Ничего у меня нѣтъ но я богата, богаче всѣхъ милліонеровъ—со мной Христосъ. Все оставила: о всемъ Христосъ заботится; а я лишь получаю, какъ Его дѣтище. Поѣду въ Н.-В-ку. Тамъ проведу недѣли двѣ-три, пока улягутся страсти разговоровъ по поводу: „сбѣжала къ баптистамъ." Потомъ возвращусь въ Ж-ку, если Господь допуститъ, и буду служить Ему. Работа есть, нужны только силы. Ну, пока Христосъ да посѣтитъ тебя. Читай Евангеліе, Библію, можетъ быть и ты найдешь Его. О, какое счастіе тебѣ и какая радость мнѣ будетъ! Цѣлую свою бѣдную, нищую сестренку."

А. М-на.

Письмо другу.

Дорогой другъ! Я сегодня слышалъ, какъ одинъ братъ разговаривалъ съ монашкой, которая просила пожертвованіе въ пользу какой-то иконы и говорила ему, что она, т. е. монашка—великая грѣшница. Насъ очень удивило, что, проживши въ монастырѣ до старости, и, какъ она говоритъ, что тамъ очень часто читаютъ слово Божіе, оно до сихъ поръ не коснулась ея сердца, и до сихъ поръ она остается великой грѣшницей, не зная къ кому обратиться, чтобы получить прощеніе грѣховъ. Тогда братъ сказалъ ей слова изъ священнаго писанія: (Еванг. отъ Мтѳа.

11, гл. 28, 29, 30 ст.) и „Прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возмите иго Мое на себя, и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко“.

Дорогой другъ! Если и ты такой же грѣшникъ нераскаянный, какъ выше упомянутая монашка, то не теряй столь дорогого времени, какъ настоящія минуты, въ которыя ты читаешь эти строки. Совѣтую тебѣ обратить серьезное вниманіе на слова, сказанныя самимъ Іисусомъ Христомъ: „Прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ“. Не подумай, что эти слова сказаны только человѣку, который жилъ еще при Іисусѣ Христѣ: эти слова относятся ко всякому грѣшнику и настоящаго времени. Іисусъ Христосъ и теперь призываетъ грѣшника къ себѣ чтобы онъ сложилъ бремя грѣховъ у ногъ Его. Но почему ты не обращаешь вниманіе на зовъ любящаго насъ Спасителя нашего Іисуса Христа? Онъ сегодня тебя зоветъ, Онъ сегодня стучитъ у двери твоего сердца; не противься, открой твое сердце для Іисуса и, повѣрь, ты получишь немедленно великую радость, которую ты никогда не получалъ безъ Него. Быть-можетъ, тебѣ въ эти дорогія минуты діаволъ нашептываетъ, что еще успѣешь. О, дорогой другъ! Не обманывайся, не забывай слова: „Нынѣ время благопріятное, сегодня день спасенія, сегодня ты одинъ изъ счастливцевъ потому что слышишь призывъ Іисуса Христа, а завтра, быть-можетъ, уже будетъ поздно“. Ты тогда поймешь, что тебя діаволъ обманулъ, говоря, еще успѣешь, а въ послѣдствіи онъ же тебѣ скажетъ, что теперь уже поздно. О, дорогой другъ! что тогда тебя ожидаетъ? Вмѣсто вѣчнаго блаженства—вѣчныя муки ада. А кто всему этому виноватъ? Не вини, любезный другъ, никого, до этого тебя можетъ довести только собственное твое недовѣріе къ зову Іисуса Христа. Да, дорогой другъ, здѣсь нужно полное довѣріе, полное отданіе самого себя въ руки Божіи; и Онъ тогда только тебѣ поможетъ порвать всѣ связи грѣховныхъ дѣлъ. Самъ человѣкъ этого не въ состояніи сдѣлать, хотя бы онъ и пожелалъ; здѣсь нужна другая сила—сила Божія. Итакъ, любезный другъ, прочитавши вышеизложенное, быть-можетъ, у тебя явится желаніе обратиться къ Богу, чтобы Онъ далъ тебѣ силъ выпутаться изъ сѣтей діавола. Дорогой другъ, не теряй времени, не откладывай на завтра, нынѣ рѣшай! Еще разъ напоминаю тебѣ, нынѣ время благопріятное, сегодня день спасенія. Завтрашній день не въ твоемъ распоряженіи, завтра, быть-можетъ, для тебя, дорогой другъ, будетъ все окончено, быть — можетъ, умолкнетъ для тебя зовъ, такъ нѣжно любящаго насъ, Спасителя нашего, Іисуса Христа, который не желаетъ смерти грѣшника, а желаетъ, чтобы всѣ пришли къ Нему и черезъ Него получили прощеніе грѣховъ. Дорогой другъ, не думай, что Богъ даетъ тебѣ жизнь для того, чтобы ты не переставалъ грѣшить. О нѣтъ! Богъ долготерпѣливъ: Онъ даетъ тебѣ жизнь только для того, чтобы ты обратился къ Нему; только Онъ можетъ снять съ тебя тяжесть, которую, съ согласія твоего, возложилъ на тебя діаволъ. Да, дорогой другъ, день своего обращенія къ Богу ты никогда не забудешь! Въ тотъ торжественный день ты получишь прощеніе всѣхъ твоихъ грѣховъ чрезъ Іисуса Христа, чрезъ Его пролитую Святую кровь на горѣ Голгоѳѣ, которая текла за всѣхъ, за меня и за тебя. Ты тогда, дорогой другъ. поймешь сколь тяжки были страданія Его на горѣ Голгоѳѣ. Возьми Новый Завѣтъ, прочти (Еван. отъ Матѳ. гл. 26, 27 и 28) и внимательно вдумайся въ это мѣсто Священнаго писанія, и если ты не совсѣмъ еще умертвилъ невѣріемъ и беззаконіемъ своего внутренняго человѣка, то ты сознаешь, что ты своимъ невѣріемъ и беззаконіемъ и донынѣ причиняешь Ему тяжкія страданія. Неужели ты, дорогой другъ, согласенъ остаться въ невѣріи и все болѣе и болѣе отягощать себя грѣхами и быть причисленнымъ къ распинающимъ Іисуса Христа? Ты, можетъ-быть, скажешь: „нѣтъ я не таковъ“. Но, дорогой другъ, провѣрь свою жизнь, такъ ли ты живешь, какъ учитъ Іисусъ Христосъ? Но ты не можешь жить такъ, какъ учитъ Іисусъ Христосъ, если ты къ Нему не придешь и не научишься отъ Него!

Твой другъ Петръ ХАРИТОНОВЪ.

Къ кончинѣ Всеволода Ивановича Петрова.

27 февраля тихо скончался глубокоуважаемый нашъ братъ и вѣрный слуга Божій Всеволодъ Ивановичъ.

Надѣемся, что это о немъ не послѣднѣе слово, ибо о такихъ людяхъ, какимъ былъ Всеволодъ Ивановичъ, долго приходится вспоминать, и такіе люди **„по смерти говорятъ еще“**.

Я лично хорошо знаю Всеволода Ивановича. Видѣлись мы съ Нимъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Самарѣ и, къ великой моей радости и радости нашей общинѣ,—въ нашемъ селеніи Пески, а тѣмъ радостнѣе мы видѣлись съ нимъ въ нашемъ домѣ.

Сколько пользы и духовнаго наслажденія получалъ всякій, имѣющій съ нимъ общеніе!

Его сосредоточенность, вниманіе, вѣжливость, духовность, аккуратность, преданность Богу и церкви, его глубочайшее довѣріе Іисусу —были для всѣхъ очевидны.

Это былъ мужъ вѣры и молитвы.

А какъ онъ изучалъ слово Божіе!

Я никогда не забуду его проповѣдей, которыя мнѣ пришлось слышать отъ него.

Въ Самарѣ, вскорѣ послѣ его обращенія, я слышалъ онъ говорилъ въ большомъ собраніи: „Когда я былъ офицеромъ и учавствовалъ на Дальнемъ Востокѣ въ сраженіи противъ китайцевъ, я старался направить мое орудіе такъ, чтобы больше убить людей а теперь я направляю все мое сердце, умъ и всѣ данныя мнѣ

оружія Божія для того, чтобы какъ можно больше спасти бѣдныхъ, несчастныхъ грѣшниковъ."

Затѣмъ, въ Пескахъ, для христіанской молодежи, онъ говорилъ: „Міръ съ его прелестями и соблазнами подобенъ вооруженному силачу Галіафу, а мы изъ себя представляемъ молодого и слабаго бѣлокураго Давида. Если у насъ и есть какое-либо орудіе для борьбы съ злымъ и величайшимъ „Галіафомъ", то этотъ пращъ—вѣра, а гладкій камень—Христосъ." Онъ призывалъ молодежь стать смѣло и неуклонно противъ этого, злословящаго все воинство Божіе, врага.

Будучи самъ юношей, Всеволодъ Ивановичъ, умѣлъ близко подойти къ сердцу каждаго молодого человѣка. Онъ имѣлъ въ своихъ рѣчахъ тотъ огонь и елей, котораго многіе проповѣдники не имѣютъ.

У насъ-же въ Пескахъ я слышалъ его вдохновенныя проповѣди; одна изъ нихъ была сказана на текстъ: „Вы приступили къ крови кропленія, говорящей лучше, нежели кровь Авеля." Къ тому же онъ читалъ изъ книги притч. Соломона, изъ 28 главы 17 стихъ: „Человѣкъ, виновный въ пролитіи **человѣческой крови**, будетъ бѣгать до могилы, чтобы кто не схватилъ его." При томъ указалъ на Каина, который „бѣгалъ" отъ крови своего брата; ибо кровь, пролитая имъ, кричала: „**отомсти!**". Но кровь Христа, къ которой приступили вѣрующіе, вопіетъ сильнѣе крови Авеля; она говоритъ: „**прости!**".

Тогда же онъ говорилъ къ вѣрующимъ о томъ, какъ вѣтхій Адамъ и плоть преслѣдуютъ и мучатъ дѣтей Божіихъ, порабощая ихъ иногда на грѣхъ. И грѣхъ, какъ злой и коварный господинъ, бьетъ своихъ рабовъ желѣзною палкою „**по ребрамъ.**"

Однажды я встрѣтился съ однимъ Самарскимъ братомъ, и спросилъ его о Всеволодѣ Ивановичѣ. Онъ мнѣ сказалъ: „Когда мы смотримъ на него, на его характеръ и жизнь, то онъ представляется намъ чистымъ и свѣтлымъ кристалломъ, только живымъ кристалломъ.

А братъ Н. Кузнецовъ пишетъ о немъ, когда Всев. Ив. былъ уже очень больнымъ: „Онъ какъ свѣча догорающая! На верхъ (на второй этажъ молитвеннаго дома) за послѣднее время уже не поднимается, говоритъ ему тяжело.. Чувствуетъ слабость. Сталъ больше лежать на постели. Хочется плакать о болѣзни сего дорогого брата. Но, да будетъ воля Господа!.."

О вліяніи Всеволода Ивановича на общину тотъ же братъ пишетъ: „Съ пріѣздомъ Всеволода Ивановича, община успокоилась и теперь, благодареніе Господу, кажется, въ довольно радостномъ положеніи."

Да, отошелъ въ вѣчность зрѣлый и сильный юноша, Всеволодъ Ивановичъ, которому не долго пришлось пожить на этой плачевной землѣ, но за-то короткая его жизнь была полною принадлежностью Христу.

Да дастъ намъ Богъ побольше такихъ юношей!

Всеволодъ Ивановичъ умеръ отъ томительной чахотки.

На погребеніе съѣзжалось много братьевъ и сестеръ изъ окрестныхъ селъ. Пріѣзжалъ также изъ Москвы братъ Семенъ Прокоф. Степановъ.

Нѣсколько тысячъ народу провожали, любимаго всѣми, брата—пресвитера.

Да устроитъ Господь для Самарской общины, достойнаго и духовнаго пресвитера!

В. Степановъ.

Отъ конторы редакціи.

Просимъ обратить вниманіе всѣхъ нашихъ уважаемыхъ подписчиковъ, что на перемѣну адреса слѣдуетъ присылать 20 коп. почтовыми марками.

Содержаніе

Стихотвореніе—Посвящ. Василію Гурьевичу Павлову.—Кузьма Ив. Дорофеевъ.
Невѣрный шагъ молодого человѣка (продолж.).—В. Степановъ.
Хорошій девизъ.—(Р Д. Х.).
Два разсказа.—Николай Ивановъ.
Говорящіе часы (продолженіе).—Трудъ молодежи при Песковской общинѣ.
Разсказъ объ обращеніи. (продолженіе).—П. М. Воробьевъ.
Изъ писемъ.—А. М-на.
Письмо другу.—Петръ Харитоновъ.
Къ кончинѣ В. И. Петрова.—В. Степановъ.

Отвѣтственный редакторъ *В. П. Степановъ.*

Издатель *С. С. Смирновъ.*

Продолжается подписка на 1914 годъ на журналъ **„Сектантскій Вѣстникъ"**

(органъ объединеннаго сектантства).

Вступая во 2-й годъ издательства, „Сект. Вѣстн." попрежнему будутъ имѣть девизомъ и цѣлью: „Да будетъ все едино".

Общественные пороки, неустройства, пьянство и т. п. будутъ подвергаться жестокой критикѣ. Пьяницамъ и всѣмъ, содѣйствующимъ прямо или косвенно распространенію этого зла, не будетъ пощады.

Подписная цѣна: на годъ съ доставк. въ Тифлисѣ—1 р., иногородн.—1 р. 50 к., за границу **вдвое**. Цѣна отдѣльнаго № 3 коп.

Адресъ: **Тифлисъ**, Гродненская ул., д. № 2— **В. А Лоскутову.**

Паровая типографія Л. Бухановскаго и Д. Крымко въ Балашовѣ.